

Зарин Андрей Ефимович

Серые герои

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Серые герои: Роман / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 241 с.

ISBN 978-5-519-85669-0

ISBN 978-5-519-85669-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЪРЫЕ ГЕРОИ.

Больше сея любви никто же **имать**,
да кто душу свою положить за други
своя.

Ев. отъ Іоанна, гл. 15, ст. 13.

I.

Дежурный по казармѣ вошелъ въ двери, оставивъ Терентія дожидаться на площадкѣ лѣстницы.

Терентій стоялъ прислонившись къ периламъ и съ замирающимъ сердцемъ смотрѣлъ на дверь, за которою скрылся дежурный. Надъ нею была прибита жестяная доска съ надписью «квартира брандмейстера».

На площадку выходила еще дверь съ надписью «квартира для одинокихъ служащихъ»; эта дверь непрерывно хлопала, затворяясь то за ушедшими, то за пришедшими служащими, которые суежливо бѣгали вверхъ и внизъ по лѣстницѣ въ своихъ прямыхъ, черныхъ съ синимъ околышемъ фуражкахъ и небрежно накинутыхъ на плечи сърыхъ курткахъ.

Терентій ждалъ недолго. Дежурный отворилъ дверь и вышелъ на площадку.

— Сейчасъ будетъ!—сказалъ онъ Терентію и остановился подлѣ него сложивъ на животѣ свои руки.

Это былъ высокій солдатъ съ угрюмымъ лицомъ, обросшимъ жесткими черными волосами.

Въ сѣрой шинели, опоясанный чернымъ кушакомъ, въ мѣдной блестящей каскѣ онъ производилъ впечатлѣніе закаленного въ бояхъ воина.

— Что-же въ пожарные захотѣлъ? — спросилъ онъ Терентія послѣ нѣкотораго молчанія. Терентій встряхнулся.

— Да, послужить желательно!

— Оно служба хороша! — одобрилъ дежурный: — здѣсь отбываль-то? — спросилъ онъ, видя на Терентѣ сѣрую солдатскую шинель.

— Здѣся, въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку!

— Такъ — вздохнулъ дежурный: — я въ кирасирахъ Ея Императорскаго Величества состоялъ... давно ужъ!.. Что это ты, ей Богу, минуты не посидишь! — крикнулъ онъ вдругъ молодому пожарному, который съ громкимъ хохотомъ, какъ бомба, вылетѣлъ изъ дверей, набрасывая на ходу сѣрую куртку.

— Я, Степанъ Ефимычъ, въ одинъ секундъ! за ситнымъ только, въ лавочку!...

— Въ лавочку! нѣтъ, чтобы посидѣть! — укоризненно сказалъ дежурный, а молодой пожарный уже стремглавъ летѣлъ съ лѣстницы, грохоча по каменнымъ ступенькамъ своими тяжелыми сапожками.

— Теперь «баринъ» чаю выпьетъ и сейчасъ къ тебѣ! — сказалъ, помолчавъ немного дежурный, и, широко зѣвнувъ, медленно пошелъ въ казарму.

Почти тотчасъ на площадку вышелъ брандмейстеръ. Сухой, тонкій, съ рѣзкими движеніями, онъ вышелъ безъ сюртука, въ цвѣтной ситцевой рубахѣ и синихъ военныхъ брюкахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги.

— Ты что? поступать пришелъ? — спросилъ онъ Терентія, причемъ каждое его слово какъ будто отрывалось отъ безконечной ленты.

Его голубые маленькіе глазки впились въ Терентія и все лицо, сухое, морщинистое съ короткими сѣдыми бакенбардами и крючковатымъ носомъ, выразило строгость.

Терентій выпрямился.

— Такъ точно, Ваше Благородіе, послужить желательно.

— Послужить! у насъ, братъ, коли запишешься, меньше году нельзя. Знаешь?

— Рады стараться, Ваше Благородіе, потому, какъ отслуживши въ солдатахъ...

— Сапоги и днемъ и ночью на ногахъ!

— Рады стараться, Ваше Благородіе!...

— Жалованье 15 рублей, одежда по началу своя; казенная годъ въ цехгаузѣ!...

— Слушаюсь-съ!

— Что-же! — помолчавъ, сказалъ брандмейстеръ! — хочешь служить, служи. Я возьму, ваканція есть. Какъ звалъ тебя!

— Терентій Сухаревъ!

— Ну такъ я возьму... Теперь, какъ полковнику понравишься!

Терентій стоялъ молча, вытянувшись въ струну

— Сегодня вечеромъ иди къ полковнику, понимаешь. На Морской, гдѣ каланча. Доложи тамъ, что хочешь показаться. Ну и скажи, что брандмейстеръ, дескать такой-то беретъ тебя. Завтра приказъ будетъ...

Брандмейстеръ повернулся къ дверямъ. По лѣстницѣ торопливо шагаль молодой пожарный.

— Эй!—крикнулъ брандмейстеръ: — Акимовъ!

Акимовъ оторопѣло сталъ и, сжимая подъ мышкою большой свертокъ въ синей бумагѣ, вытянулся передъ брандмейстеромъ.

— Пришли сейчас писаря!—приказалъ брандмейстеръ и скрылся за дверью....

Онъ вошелъ въ свой крошечный кабинетъ и грузно опустился на жесткій диванъ, обтянутый клеенкой. Въ комнатѣ стояло три вѣнскихъ стула, диванъ, на который онъ сѣлъ, дамскій письменный столъ съ кучею «приказовъ» и круглый столикъ съ шашечницею. Въ свободныя минуты брандмейстеръ любилъ играть въ шашки. Стѣны крошечной комнаты были украшены портретами въ рамкахъ изъ разноцвѣтныхъ раковинъ и большою группою Царской Семьи; портреты изображали солдатъ и унтеръ-офицеровъ различныхъ кавалерійскихъ полковъ; они воинственно опирались на огромные палаши или граціозно держали свои тяжелые каски.

Брандмейстеръ откинулся на спинку жесткаго дивана, вытянулъ свои ноги и самодовольно поглядѣлъ на эти портреты. Ему повезло въ жизни.

Давно, лѣтъ 18 тому назадъ, и онъ, наряженный въ грязную гусарскую куртку, чистилъ свою лошадь въ полутемной конюшнѣ, скакалъ съ сумкою черезъ плечо на другой конецъ города; «держался прямо» и «ѣлъ начальство глазами», — тогда онъ былъ просто Сергѣй Гаврюковъ — а теперь Сергѣй Тимофѣевичъ, начальникъ пожарной команды въ 60 человѣкъ, ихъ «баринъ», какъ зовутъ пожарные своего брандмейстера.

И правда, чѣмъ не баринъ? Готовая квартира съ тепломъ и свѣтомъ, прислуга и 50 р. жалованья.

Онъ самодовольно улыбнулся и, обративши лицо къ двери, крикнулъ:

— Безпалый!

Въ дверяхъ кабинета показался низенькій человѣкъ съ огромной головою, покрытой жесткой черной щетиною. Его

лицо, изрытое оспою, добродушно улыбалось, отчего ротъ его растягивался до ушей, носъ поднимался ко лбу и глаза превращались въ узенькія щелки:

Онъ вытянулъ руки по швамъ и словно оторвалъ:

— Что угодно, Ваше Благородіе?

— Сюртукъ!

— Сей минутъ!

Безпалый скрылся и черезъ мгновеніе вернулся съ сюртукомъ. Приподнявъ его за воротъ, онъ на ходу колотилъ рукою по бессильно болтающимся поламъ, отчего сюртукъ брандмейстера безпомощно взмахивалъ длинными рукавами.

Сергѣй Тимофѣевичъ приподнялся съ дивана и сталъ медленно натягивать на себя сюртукъ. Добродушная улыбка не исчезала изъ подъ его сѣдыхъ усовъ.

До него доносились изъ задней комнаты плаксивые голоса дѣтей, вѣроятно поссорившихся, властный голосъ жены, умиравшей ихъ—и этотъ шумъ, смѣшиваясь съ монотонными гаммами, которыя съ азартомъ выколачивала его старшая дочка на старомъ роялѣ, — нѣжилъ его слухъ, снова напоминая ему о его благополучіи. Входная дверь хлопнула и въ квартиру вошелъ писарь.

— Приказали придти! — раздался въ кабинетѣ его голосъ.

Сергѣй Тимофѣевичъ быстро обернулся.

— Ты, Зобовъ! звалъ, звалъ; все сдѣлалъ?

Писарь ухмыльнулся и остановился въ дверяхъ, приклонившись спиною къ притолкѣ и заложивъ за спину свои короткія руки.

Это былъ маленькій коренастый паренъ съ плутоватыми глазами, гладко выбритымъ лицомъ и прямыми волосами, примазанными à la капуль.

— Эсе-сь!—отвѣтилъ онъ равнодушнымъ голосомъ.

— Протоколы составилъ? Какъ тамъ, что?

— Да что-сь! слесарня теперь въ исправности, опять лабазъ смотрѣли, и лабазъ хорошо... Протоколы сюда принести прикажете?

— Да, да, я самъ къ полковнику!

Писарь повернулся, собираясь уйти.

— Принеси протоколы да позови ко мнѣ Кузьму Степановича! — крикнулъ ему вслѣдъ Сергѣй Тимофѣевичъ.

— Слушаю!

Писарь ушелъ. Брандмейстеръ застегнулся на всѣ пуговицы, сдвинулъ брови и сталъ сердито ходить по комнатѣ. Каждую недѣлю въ этотъ день онъ долженъ являться къ брандъ-маіору съ докладомъ и каждый разъ это посѣщеніе начальства волновало его. Надо распорядиться по части, надо приготовиться къ докладу, все, что было, упомянуть — хлопотъ не оберешься!...

Его простой солдатской натурѣ было тяжело справиться съ тѣмъ небольшимъ количествомъ письменнаго дѣла, которое падало на его долю.

— А, Кузьма Степановичъ! здравствуйте! На васъ надѣюсь, наблюдайте!—озабоченно нахмурясь, сказалъ онъ своему помощнику, появившемуся въ дверяхъ.

Помощникъ, огромный неуклюжій мужчина съ глазами на выкатъ, одутловатымъ лицомъ и сильнымъ голосомъ, пожалъ Сергѣю Тимофѣевичу руку своими закорючлыми короткими пальцами и отвѣтилъ:

— Слушаю-сь

— Что, какъ въ казармѣ? все исправно?

— Все въ порядкѣ! развѣ вотъ Нефедовъ захворалъ, да у Червоннаго ногу засѣкло...

— Нефедовъ старшина! такъ вы его непременно замѣ-

ните, ну хоть Хухрей, что-ли, или нѣтъ, Хухря Катѣ сапоги шьеть, такъ Плаксинымъ тогда, Плаксинымъ!

— Я Севрюковымъ замѣнилъ!

— Севрюковымъ? и отлично! ну а Червоннаго-то къ ветеринару водили, а?

— Яковъ поведеть нынче!

— Яковъ, Яковъ! я ему задамъ! чего онъ за лошадыю не смотрить? Ну а все прочее? исправно?

— Все-съ!

Писарь принесъ протоколы. Брандмейстеръ торопливо ихъ взялъ и сталъ спѣшить.

— Ну все, все теперь! Не опоздать-бы!

— Еще рано!

— А я человѣка принялъ! Здоровый такой!

— Что-жъ, у насъ три койки не заняты! отозвался помощникъ.

— Ну-съ и отлично! Такъ я иду! Не зѣвайте-же Кузьма Степановичъ!

Кузьма Степановичъ кивнулъ головою и ухмыльнулся. Каждый разъ въ этотъ день брандмейстеръ говоритъ ему эти слова и каждый разъ онъ ухмыляется на нихъ молча.

Кто-же и смотрить за всѣмъ, какъ не онъ? На его обязанности лежитъ слѣдить за поведеніемъ служащихъ, за ихъ продовольствіемъ, разбирать ихъ ссоры, раздоры, распредѣлять между ними работы, слѣдить за дѣломъ: все на его плечахъ. Развѣ пожаръ, такъ брандмейстеръ самъ ѣдетъ, и то, коли резервъ нуженъ — помощникъ съ нимъ. Въ остальномъ-же вездѣ онъ жалкій помощникъ, за 30 р. и квартиру!... И что за квартира? комнатка съ кухней... Хорошо быть брандмейстеромъ!..

Каждый разъ брандмейстеръ, уѣзжая, говорилъ: — «Не зѣвайте-же, Кузьма Степановичъ», каждый разъ Кузьма

Степановичъ ухмылялся на эти слова и каждый разъ его посѣщали все тѣже горькія думы.

Такъ и теперь. Брандмейстеръ вышелъ въ крошечную переднюю, гдѣ обученный вѣстовой, Федька Безпалый, высоко вздернувъ руки, ловко набросилъ офицерскую пинель на плечи «барина», а помощникъ, тихо переступая слѣдомъ за нимъ, предавался своимъ думамъ.

Хорошо быть брандмейстеромъ! 50 руб. жалованья, квартира (не какая нибудь, а въ 4 комнаты) да еще награды. Къ Новому году Дума рублей 100 даетъ, градоначальникъ рублей 100, страховыя общества кто 25, кто 50, кто 100 р. Куча денегъ! и все мимо помощника, который сытъ своимъ жалованьемъ да работой безъ отдыха.

Кузьма Степановичъ проводилъ брандмейстера и сойдя на дворъ отдалъ приказаніе мимо пробѣгавшему пожарному.

Тотъ вбѣжалъ въ казарму и передалъ приказаніе дежурному.

— На дворъ! дрова колоть! — громко крикнулъ дежурный.

Пожарные быстро одинъ за другимъ побѣжали изъ казармы. Черезъ минуту на дворѣ закипѣла работа. Подлѣ сарая грудой были навалены короткіе бревна. Пожарные быстро стали справляться съ ними. Одни распиливали ихъ на чурбаки, другіе тотчасъ раскалывали ихъ на мелкія полѣнья, третьи охапками разносили ихъ въ кухню, въ казарму, по квартирамъ брандмейстера, помощника, машиниста, а помощникъ, расхаживая между ними, шуткой и смѣхомъ, подгонялъ лѣнливыхъ.

Кузьма Степановичъ Хроловъ 20 лѣтъ уже состоялъ помощникомъ, товарищи его почти всѣ стали брандмейстерами, нѣкоторые поступали на его глазахъ и черезъ ко-

роткое время обгоняли его, а ему все не выпадало на долю этого счастья.

Неудачникомъ онъ родился. Другимъ везетъ, а ему все нѣтъ, развѣ на увѣчья счастливъ. Чего онъ не испыталъ только? Прошелъ школу кантонистовъ, отслужилъ 12 лѣтъ въ строевой службѣ, начавъ ее въ Николаевское время, — отписался въ пожарные и тутъ ужъ злая судьба мачиха потѣшилась надъ нимъ вволю. Упавшая балка торчащимъ гвоздемъ прорвала ему щеку, взбѣсившаяся лошадь сильнымъ ударомъ копыта сломала ему ребро; на одномъ изъ пожаровъ онъ провалился въ горящее зданіе и сломалъ себѣ руку.

Онъ со своей крупной сутулой фигурой, въ длиннополомъ синемъ сюртукѣ, съ круглою сѣдою головой, съ толстымъ лицомъ, перерѣзаннымъ шрамомъ, могъ служить типомъ бывавшаго не разъ въ огнѣ и дыму.....

Хорошо быть брандмейстеромъ!... Но Хроловъ только изрѣдка останавливался на этой мысли. Онъ не зналъ озлобленія и отчаянья.

Его жена, сухоощавая, длинная, всегда съ растрепанными волосами, подоткнутымъ со всѣхъ сторонъ платьемъ и грязной тряпкою въ рукѣ (словно она все свое время проводила за мытьемъ пола), нерѣдко въ истеричномъ гнѣвѣ кричала на него:

— Отъѣлся, что боровъ кормленный и нѣтъ ему дѣла, что жена, прости Господи, какъ лошадь двуужильная работаетъ! ему и горюшка мало: умри жена!... Иди, увалень, проси, хлопочи, ноги цѣлуй, чтобы пристроиться, вотъ что!! Другіе и моложе, да смогли; хуже ты, что-ли? Смотри, жирь-то каплетъ! Встряхнись малость! Двинься съ мѣста!...

Отъ ея визгливаго крика Грипка съ Машуткой залѣ-

зали за спинку огромной двуспальной кровати, напоминавшей собою эшафотъ, а Кузьма Степановичъ съ легкой укоризной говорилъ:

— Ну что-ты глотку дерешь, объясни, сдѣлай милость!.. Съ этого крику, думаешь, мѣсто выйдетъ! По шеѣ дадутъ только и сказъ весь!

— Извѣстно! кому награда, а тебѣ, милому человѣку, все по шеѣ!—язвила жена.

— И горластая-же ты, прости Господи! — терялъ терпѣніе Кузьма Степановичъ и растворивши дверь, входилъ въ общую казарму. Его крошечная квартирка имѣла дверь прямо въ казарму.

— Тиранъ жизни моей! — выкрикивала вслѣдъ жена и тотчасъ накидывалась на дѣтей.

— Полѣзайте на постель, пострѣлята, сейчасъ полъ чистить буду!

Въ такія минуты ей необходима была усиленная работа и она съ такимъ остервенѣніемъ принималась скоблить и чистить полъ, словно очищала ваканцію своему мужу.

— Влетѣло, Кузьма Степановичъ! — ухмыляясь, говорилъ кто-нибудь изъ старыхъ пожарныхъ.

— Что съ ими, съ бабами, подѣлаешь! — отвѣчалъ, сердито одергивая свой мундиръ, Кузьма Степановичъ.

— Оно извѣстно! — вдругъ вмѣшивался какой-нибудь изъ новичковъ: — баба — первый врагъ человѣческій, потому, какъ залопочеть....

— Ну ты-то, братъ, не больно, лопочи; съ оглядкой! — сурово перебивалъ его Кузьма Степановичъ, не любившій шутокъ необжившихся новичковъ. Старый — другое дѣло. Напримѣръ, Степанъ Горемыкинъ. Онъ ужъ второй пятокъ выслуживаетъ, съ нимъ Кузьма Степановичъ вмѣстѣ въ го-